

Ингрид Кирштайн

Ингрид Кирштайн — поэтесса, переводчик поэзии.

Родилась и живу в Подмосковье. Автор трех сборников стихов.

Красота

Красота. Краше Та,
что за пазухой Христа.
Златоперстием молчанья
запечатаны уста.
Это тайна-тайна-тайна,
на земле она случайна,
словно в Броуново время
просочилась пустота.

Красота. Кракатау
врубит верхнюю октаву.
О любви грохочет море,
нашим строчкам не чета.
Волнорифмы многоблики
кажут райские языки,
свой урок на бис и браво
полиглотам расплескав.

Красота - кислота.
В дырах аура холста.
Златотелая Даная -
полновесная Пьета.
И из тени Герострата
бесконечная цитата
ей нанизывает нимбы
с пляжей Южного Креста.

Красота. Нагота.
Ахиллесова пята.
Кони белые да принцы,
мчите - в звездах ворота.
Стайка муз-инкогнитянок
ходит медленно меж пьяных
и гарцует стриптизерша
до замыленья шеста.

Красота заперта
На засовы-скрежета.
Но не хватит нафталина
для павлинова хвоста.
И как волны за кормою
подражатели толпою,
и букеты, и фонтаны,
и арпеджио с листа.

Красота - сирота.
Складка горькая у рта.
Раньше времени иного
подведенная черта.
На прокрустово на ложе
не ложится цветом кожа,
но всегда ее узнаешь,
это выше правота.

Ариадне Эфрон

Ариадна, Ариадна,
вянет жимолости цвет,
вяжет ягода нещадно,
али сахару в ней нет?

Безнаядна, бездриадна
долгота былых седин.
Зрела вещая троянда
нитьей нити сад кручин.

Белу рученьку чернила,
берегла белу стопу,
И торят-торят чернила
заповедную тропу.

Потьма - тюря да морошка,
Туруханская труха.
Да Рязанское окошко
на гармошкины меха.

Паутин навяжешь тоньше,
спицы-спички наострив.
От крахмальной кривды тошно,
а взаправду всюду миф.

Минотавры, минотавры -
Обжиг человекобыдл.
Жертвенники и литавры.
Шлакосудеб щебенъ гибл.

Ариадна, Ариадна,
падки мифы на людей.
Грифель рвет сырую правду
из-под грифовых когтей.

Одари живую нитью
озари канву наитью,
Не идет тебе она -
даже в нимбе седина.

Примечание:

Ариадна Эфрон вязала ажурные шарфы и перчатки в ссылке на спичках вместо спиц.

Люпиновое кладбище

Макаровское кладбище в люпинах ожило.
Как синей черепицею накрытое село.
И маковка над кронами, и зелено кругом.
Ох, непроизнесенными молитвами живем!

В живых свечах люпиновых раздольничает шмель,
пока небес низринутых распахнута постель,
и Божие над праведным не унимает свеч,
снисходит небо праздником. Просторнее в нем лечь.

Цикорий

Цикория звезды парят над травой.
Метет звездопад голубой-голубой.
Горит неприметной судьбы семафор,
из солнц цвета неба летучий ковер.

Летим мы, летим мы на собственный свет,
и каждый – прозрачного неба скелет.
И некому нам обрывать лепестки,
кто любит, тот любит всему вопреки.

Цикорий - кофейное эхо - на взлет!
Цикорная нега сквозь эго пробьет.
Не вскоре отцветшим опомнится луг,
Звезда отскользит, но полюбишь не вдруг.

Цветков шестеренчатых времени бег
взвился, жесткокрыл, и не знает помех.
Не вскоре иль вскоре заменим собой
мы даль на Босфоре - простор голубой.

Когда все рушится

Когда все рушится
и видно, что прошлое, как ни росло над собой, уже опрокинуто -
и предыдущее прошлое – в землю вросло, не стало последующим -
и предпредыдущее с корнем выкорчевано,
и суетятся только слова-мураши, думая что-то связать,
строя мосты, как было это и то,
ясно одно: будущее сильнее.
Хочет оно другим быть, не так называться.
Вот и ломает текущее, чтобы не стать опрометчиво прошлым,
власть не отдать.

Тучей опять нависать.
Нет бы однажды
всем уступить нам дорогу протечь безмятежно.
Что, на обломках твоих на день задержаться - награда?
Но восхищаюсь тобой, жребий не всякий
ты принимаешь, рушишь и рушишь опять.